

ДРУГОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ: ЗАНЯТИЯ ПОДСЕКЦИИ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ГАХН 1925–1929

Н. А. Богомолов

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Аннотация: Статья посвящена деятельности подсекции русской литературы Литературной секции Государственной академии художественных наук (ГАХН) в 1925–1929 годы, когда основное внимание уделялось изучению уходящего в прошлое русского символизма, однако не только фиксации его проявлений в культуре, но и аналитическому рассмотрению как общих проблем развития направления, так и отдельных произведений. В результате создается выразительная картина литературного направления, тесно связанного с традиционной русской философией XIX – начала XX века, и не только Вл. С. Соловьева, но и многих других деятелей. Многие материалы, дошедшие до нас в рукописном или машинописном виде, сохранили свое значение до настоящего времени и вполне достойны опубликования (что отчасти уже делается, а отчасти нуждается в научной подготовке к печати). Многие материалы включают мемуарные фрагменты, что придает им особенную ценность.

Ключевые слова: символизм, ГАХН, русская философия.

ANOTHER STUDY OF LITERATURE: THE SUBSECTION OF THE HISTORY OF RUSSIAN LITERATURE CLASSES IN THE STATE ACADEMY OF ARTISTIC SCIENCES

N. A. BOGOMOLOV

Lomonosov Moscow State University

Summary: The article deals with the activities of the subsection of Russian literature in the State Academy of Artistic Sciences in the 1925-29s, when the attention was mainly paid to the Russian symbolism that was quickly receding into the past, still, not only to the recording of its manifestations in the culture but to the analytical consideration of both general problems of its development, and to the analysis of certain texts. As a result the participants of the subsection created an impressive image of the literary movement, closely related to the traditional Russian philosophy of the 19th – beginning of the 20th centuries, notably not only to Vladimir Solovyov, but also to other philosophers. Many manuscripts and typescripts survived still retain their importance and are worth publishing (some of them have already been published, some still need the academic preparation for publication). Many materials include pieces from memoirs, which make them especially valuable.

Key words: symbolism, the State Academy of Artistic Sciences, Russian philosophy.

Прежде всего – почему «другое»?

В только что вышедшем двухтомнике «Искусство как язык – языки искусства», написанный Микелой Вендитти раздел «Философские основания литературоведения в ГАХН» включает главку «Новое литературоведение: философия художественного образа», где классифицируются опубликованные работы Литературной секции ГАХН: «теоретические очерки о предмете и методе литературоведения», «исследования, посвященные прозе», «работы, посвященные определению поэтического языка и понятия “образ”», плюс книга Г.О. Винокура «Критика поэтического текста»¹.

Нам бы хотелось показать, что этим набором тем литературоведческие занятия ГАХН не исчерпываются. Мало того, нам представляется, что здесь названо находившееся в явно количественном меньшинстве. Да, в синхронно опубликованных трудах Академии доклады имеющихся здесь в виду отделов представлены не слишком обширно, но сохранившиеся отчеты и протоколы заседаний показывают, что Литературная секция вела обширную работу в области изучения истории литературы и литературы современной, учитывая теоретические достижения, но далеко ими не ограничиваясь. Мы бы сказали, что разыскания в сфере новых эстетических представлений в этой деятельности отступали на второй план, тогда как на первый выдвигались традиции сугубо русского полудомашнего философствования, использовавшие предание, свободное суждение, диалог, где идеология возникала на пересечении вновь обнаруженных фактов, старинных убеждений и даже предубеждений, личного общения и многих общих факторов. Во всяком случае нельзя не заметить, что среди выступавших и обсуждавших сообщения была давняя соратница А.Л. Вольнского как философа Л.Я. Гуревич, «мистический анархист» Г.И. Чулков, издатель сборника «Философские течения русской поэзии» П.П. Перцов, племянник Вл. Соловьева, только что написавший книгу о нем С.М. Соловьев-младший. Философская составляющая заседаний еще должна быть выявлена и вербализована.

В очерке ранней истории еще даже не ГАХН, а РАХН читаем: «Литературная секция организовалась в конце 1921 г. Организационное заседание секции состоялось 26 октября. В этом заседании был намечен схематический план деятельности секции. <...> Основной задачей секции является научное изучение литературы во всей полноте ее разнообразных

¹ Искусство как язык – языки искусства: Государственная академия художественных наук и эстетическая теория 1920-х годов; В 2 т. М., 2017. Т. 1. С. 253.

течений, школ, направлений, индивидуальных авторов. Весь объем мировой поэзии во всех ее проявлениях и видах признан желательным объектом для разработки в секции»². В первоначальный состав секции вошли весьма почтенные члены, от Брюсова и Гершензона до Луначарского³.

К сожалению, у нас не слишком много информации о занятиях секции в начальный период ее деятельности – с 1922 до первого семестра 1925 года. Но с осени 1925 и до середины 1929 года в нашем распоряжении оказывается достаточно значимое количество материалов – печатные отчеты в «Бюллетенях ГАХН» и/или протоколы заседаний, а также некоторое количество полных версий докладов.

Не мы первые обращаемся к этим материалам, однако полного или даже частичного обзора материалов заседаний Литературной секции не существует. Да и здесь мы не в состоянии его сделать, потому обращаемся лишь к части заседаний подсекции русской литературы, наиболее активной из нам известных.

Всего к осени 1925 года Литературная секция состояла из 7 подразделений. Помимо подсекции русской литературы были аналогичные образования – всеобщей литературы, теоретической поэтики, фольклорная, художественного перевода и комиссия по изучению Достоевского. Время от времени проявлялась Архивная комиссия, многие заседания устраивались при содействии Ассоциации по изучению творчества Александра Блока, которая формально в ГАХН не входила, однако рассматривалась как активный союзник⁴. Деятельность всех подсекций заслуживает внимания. Скажем, осень 1925 года в подсекции всеобщей литературы открывалась даже тематически весьма нетривиальными докладами Б.А. Грифцова о сюрреализме, Н.Н. Лямина о П. Клоделе, Б.В. Горнунга о Г. Аполлинере. Подсекция теоретической поэтики помимо собственно эстетических про-

² Кондратьев А.И. Литературная секция // Искусство. 1923, № 1. С. 421–422.

³ Полный состав секции: председатель – М.О. Гершензон, заместитель – Н.К. Пиксанов, ученый секретарь – Л.П. Гроссман и члены: Л.И. Аксельрод, В.Я. Брюсов, Н.Л. Бродский, В.В. Вересаев, Б.А. Грифцов, Л.Я. Гуревич, И.И. Гливенко, А.Е. Грузинский, Н.К. Гудзий, Ю.П. Денике, А.К. Джигелегов, Б.К. Зайцев, П.С. Коган, А.И. Кондратьев, С.А. Котляревский, А.В. Луначарский, И.А. Новиков, О.Э. Озаровская, М.А. Петровский, В.Ф. Переверзев, И.Л. Поливанов, С.А. Поляков, П.Н. Сакулин, И.Н. Розанов, Ю.М. Соколов, М.П. Столяров, Д.Н. Ушаков, В.М. Фриче, Е.П. Херсонская, М.А. Цявловский, Г.И. Чулков, С.К. Шамбинаго, А.К. Шнейдер, Н.Е. Эфрос, В.И. Язвицкий, Б.И. Ярхо (Там же).

⁴ Подробнее см. справку: Бюллетени ГАХН. 1925. № 1. С. 50–52.

блем очень активно занималась проблемами стиховедения, причем среди докладчиков были не только пользовавшиеся не лучшей репутацией М.П. Малишевский и А.Н. Артюшков, но и Б.И. Ярхо, М.П. Штокмар, Л.И. Тимофеев, С.В. Шервинский, С.М. Бонди. С работой фольклорной подсекции можно более или менее подробно познакомиться по известным сборникам «Художественный фольклор», – и так далее.

Однако сегодня мы хотели бы сделать обзор деятельности подсекции русской литературы, которая в 1925 году «постави[ла] своим главным заданием изучение раннего символизма»⁵, и не упускала это задание из виду до самого окончания своей работы. Заседания были весьма разнообразными, их посещало много народу, до 40 человек. К сожалению, не всегда подписи в явочном листе можно разобрать, поэтому полного списка интересующихся ранним русским символизмом в Москве второй половины 1920-х годов мы составить, к сожалению, не можем.

Первым, 9 октября 1925 года выступал С.Н. Дурьлин (вообще чрезвычайно активный на заседаниях различных отделов и секций ГАХН) с докладом «Александр Добролюбов: К истории раннего символизма». В настоящее время опубликован и сам этот доклад, и тезисы Дурьлина к нему, и материалы обсуждения⁶, почему более мы о нем не станем говорить.

4 декабря Нина Волькенау прочитала доклад, по видимости несколько отклоняющийся от основной темы, но тем не менее в нее вписавшийся, на тему «Лирика Михаила Кузмина». Доклад был приурочен к 50-летию дня рождения писателя и к исполнившемуся осенью 1925 года 20-летию литературной деятельности М.А. Кузмина. Подробное изложение самого доклада и его обсуждения также опубликовано (по тексту рукой Д.С. Усова, отложившемуся в архиве Радловых в РНБ)⁷.

Второй семестр был целиком символистским. Лишь дважды это единство нарушалось – докладами И.К. Линдемана «Остроумие Пушкина» и И.Л. Поливанова (сына известного Льва Ивановича) «Лирика смерти у Фета».

Начался 1926 год двумя докладами П.П. Перцова: «Ранний русский символизм» (15 января) и «Московский символизм 90-х гг. (по письмам

⁵ Бюллетени ГАХН. 1925, № 2–3. С. 32.

⁶ Подробнее см.: Богомоллов Н.А. Из комментаторских заметок. 4. К публикациям статей С.Н. Дурьлина о символизме // Литературный факт. 2017. № 4. С. 277–281.

⁷ Морев Г.А. К истории юбилея М.А.Кузмина 1925 года // Минувшее: Ист. альманах. М.; СПб., 1997. [Т.] 21. С. 351–375.

В.Я. Брюсова и личным воспоминаниям)» (29 января)⁸. Судя по протоколам, доклады вызвали большой интерес слушателей, многие из которых полемизировали с Перцовым. И то сказать, среди его оппонентов были свидетели эпохи: В.Ф. Саводник, Г.И. Чулков, Ю.Н. Верховский. Текст неожиданного доклада С.Н. Дурылина «Бодлер в русском символизме» (19 февраля) недавно опубликован, а материалы, относящиеся к его обсуждению, были напечатаны нами, так что не скажем о нем ничего более⁹. Ю.Н. Верховский прочитал доклад «К истории раннего символизма. Архив Ивана Коневского» (5 марта), о котором трудно что бы то ни было сказать, поскольку из приложенных тезисов почти невозможно понять, какие именно документы были в распоряжении докладчика и каким образом он их осмыслял. Поскольку фонд И. Коневского в РГАЛИ основывается на документах, переданных туда именно Верховским, можно предположить, что в качестве доклада было рассказано нечто подобное внутренней описи архивных материалов, ныне находящихся в составе общей его описи. На 26 марта пришлось сразу два доклада: А.А. Ильинский-Блюменау «Валерий Брюсов и Ляleckин (из цикла “Poetae minores русского символизма”))», и Н.С. Ашукин – «Из дневников В.Я. Брюсова за годы 1895, 1896, 1897». Первый был основан на письмах Ивана Ляleckина к Брюсову, что вызвало справедливое замечание И.Н. Розанова: «Доклад мало освещает отношение *Брюсова* к Ляleckину; между тем, это представляет существенный интерес. <...> Ляleckин – это средняя, переходная ступень между Фофановым и Брюсовым. Отчасти на нем можно проследить влияние Случевского. К 90-м гг. не следует относиться так пренебрежительно, как это принято вообще. Поэзия 90-х гг. по сравнению с 70-ми и 80-ми отмечена некоторым оживлением. Новое поколение в лице Брюсова и др., не удовлетворяясь этой поэзией 90-х гг., пошла <так!>дальше. Значение поэзии 90-х гг. как поэзии переходной эпохи должно быть учтено»¹⁰. Сообщение Н.С. Ашуки-

⁸ Вряд ли можно сомневаться, что доклады базировались на тех же материалах и идеях, что и публикации того времени: Перцов П. Русская поэзия 30 лет назад // Свиток. М., 1926. Кн. 4. С. 249–280; Письма В.Я. Брюсова к П.П. Перцову (К истории раннего русского символизма). М.: ГАХН, 1927; Перцов П.П. Литературные воспоминания. М.; Л., 1933 (особенно глава «Первые символисты»).

⁹ См.: Богомолов Н.А. Цит. соч. С. 284–289.

¹⁰ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. Ед. хр. 36. Л. 42. Работа Ильинского-Блюменау опубликована не была. Она основывалась на 6 письмах И.О. Ляleckина к Брюсову (НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 93. Ед. хр. 12). Единственное известное нам письмо Брюсова к

на, судя по всему сводилось просто к чтению избранных фрагментов из готовившегося к печати дневника Брюсова.

23 апреля был прочитан доклад А.Н. Богоявленского «Языковое сознание Иннокентия Анненского». К сожалению, нам удалось собрать об этом докладчике чрезвычайно мало сведений. Даже всеведущий Р.Д. Тищенко в статье о посмертном культе Анненского этого имени не упоминает. Интернет называет единственного А. Богоявленского – автора статьи «Академизм» в двухтомной «Литературной энциклопедии» 1925 года. Однако в списке сотрудников этого издания его инициалы – Л.П. Доклад не понравился ни историкам литературы, ни теоретикам (М.П. Столярову и М.А. Петровскому), но, несомненно, со временем его материалы должны быть опубликованы¹¹.

14 мая Л.Я. Гуревич прочитала доклад «Символизм 90-х гг. в журнале “Северный Вестник”». Текст этого доклада сохранился и готовится к печати нами совместно с М.М. Павловой, почему от дальнейших указаний воздерживаемся. То же самое относится и к докладу В.Ф. Саводника «Первые самостоятельные литературные выступления Брюсова» (28 мая). Так он назван в «Бюллетенях ГАХН» с пояснением в скобках: «Характеристика творчества Брюсова в период 1895–1900 гг. в связи с французским символизмом»¹². Однако по протоколам и по рукописи доклада он называется «Валерий Брюсов и французский символизм» и был сделан 11 июня. А 28 мая И.Н. Розанов прочитал доклад, который по печатным «Бюллетеням» именуется «Брюсов-студент (Характеристика личности юного Брюсова по личным воспоминаниям)», а по протоколам – «Ранний Брюсов». Тезисы развивают занимавшее тогда Розанова понятие литературной репутации, но материалы обсуждения скорее заставляют поверить, что это были именно личные воспоминания о Брюсове, которые Розанов на протяжении долгого времени тиражировал. О фактическом субстра-

нему опубликовано по черновику С.И. Гиндиным (Письма <Брюсова> из рабочих тетрадей // Литературное наследство. М., 1991. Т. 98, кн. 1. С. 646–649).

¹¹ К сожалению, из личного дела А.Н. Богословского в ГАХН мы не получаем о нем почти никаких биографических сведений, даже имени и отчества. Узнаем только, что он окончил 2-й МГУ по историко-лингвистическому отделению педагогического факультета, его опекал и рекомендовал зачислить в ГАХН практикантом Н.К. Гудзий. В конце 1926 года он был утвержден временным сотрудником. Вместе с тем в деле сохранились вполне внятные черновики его доклада (РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 10. Ед. хр. 62).

¹² Бюллетени ГАХН. 1926. № 4–5. С. 38.

те этих воспоминаний, читавшихся на разных собраниях с 1924 по 1946 год, нам уже приходилось писать¹³. Предположение о вполне компактных мемуарах кажется тем более вероятным, что доклад Розанова в тот вечер был не единственным: Б.В. Нейман сделал сообщение «Русская классическая традиция в творчестве Брюсова (Анализ влияний на творчество Брюсова Жуковского, Пушкина, Лермонтова, Фета)». В «Бюллетенях» он отнесен к вечеру 4 июня, мы же склонны больше верить протоколу. Обсуждение получилось скомканным из-за позднего времени.

Помимо того, на пленарном заседании Литературной секции председатель подсекции Н.К. Гудзий 26 апреля прочитал доклад «Первые шаги московского символизма», который, по краткому сообщению «Бюллетеней», «был посвящен преимущественно историко-литературному анализу сборников 94–95 г.г. “Русские символисты” и уяснению их роли в дальнейшем развитии русского символизма»¹⁴. На основании этого доклада была написана известная статья Гудзиева «Из истории раннего русского символизма», опубликованная в издании ГАХН¹⁵ и впоследствии на долгие годы ставшая едва ли не единственным пособием для изучавших историю «Русских символистов».

Докладами о символистах отметилась и переводческая секция: 11 февраля секретарь подсекции русской литературы и знаток всего, что связано с Германией и немецким языком, Д.С. Усов прочел доклад «Немецкий Блок»¹⁶, а Ф.А. Петровский – «В. Я. Брюсов–переводчик “Энеиды”» (26 мая)¹⁷. 2 января там же было устроено научно-показательное заседание, со вступительным словом Г.И. Чулкова. Согласно опубликованному Т.Ф. Нешумовой фрагменту протокола, в нем участвовали Д.С. Усов, С.В. Шервинский, Б.В. Горнунг, А.А. Альвинг, В.А. Дынник, С.Н. Дурьлин, А.А. Сидоров, читались стихи Верлена, Малларме, Мореаса, Георге, Рильке и других, переведенные Усовым, Брюсовым, Вс.А. Рождествен-

¹³ Богомолов Н.А. Как делаются воспоминания // Новый мир. 2017, № 7. С. 168–185.

¹⁴ Бюллетени ГАХН. 1926. № 4–5. С. 37.

¹⁵ Искусство. 1927. № 4. С. 180–218.

¹⁶ Тезисы опубликованы: Усов Дмитрий. «Мы сведены почти на нет»: В 2 т. М., 2011. Т. 1. С. 479–480. Перепеч.: Там же. Т. 2. С. 344.

¹⁷ Мы не знаем, насколько мнение почтенного ученого совпадает с более поздними отрицательными его оценками брюсовского перевода: Петровский Ф. Русские переводы Энеиды и задачи нового ее перевода // Вопросы античной литературы и классической филологии. М., 1966; Он же. В.Я. Брюсов – переводчик «Энеиды» // Мастерство перевода. М., 1973. С. 253–256.

ским, Н.В. Волькенау, Ю.П. Анисимовым¹⁸. 4 марта было проведено заседание, посвященное трехлетию со дня смерти А.А. Кублицкой-Пиоттух¹⁹.

14 заседаний за полгода – это очень много. Понятно, что вечно продолжаться на таком количественном уровне изучение русского символизма не могло.

Но осенью 1927 года из всего 6 заседаний подсекции 4 снова было посвящено символизму. Открыл новый сезон один из поэтов-символистов: 8 октября С.М. Соловьев прочитал доклад «Жуковский и символизм», который так был описан в бюллетенях: «Установив связь символизма конца XIX в, и проследив реакцию реализма и классицизма в эпоху Возрождения, борьбу Гёте с крайностями символизма и идеализма и символический реализм Гёте, С.М. Соловьев изучил поэтическую эволюцию Жуковского через символизм к реализму и традицию Жуковского в творчестве русских символистов (Брюсов)»²⁰. Через две недели прошел доклад С.Н. Дурылина «Александр Добролюбов и Валерий Брюсов», текста которого ни в архиве ГАХН, ни в архиве Дурылина в РГАЛИ нам отыскать не удалось, почему мы предположили, что это было извлечение из рукописи переработанного летом 1926 года доклада об Александре Добролюбове, основанное на прежде неизвестной автору переписке Брюсова с Добролюбовым²¹.

5 ноября сделал доклад «Блок и Жуковский» музыковед и литературовед И.Р. Эйгес, давний поклонник Жуковского, автор нескольких заметных работ о нем. Мы пока не успели провести поисков текста этой неопубликованной работы в архиве Эйгеса. 3 декабря Вера Давыдовна Измайльская²² сделала вызвавший заинтересованную реакцию и даже спон-

¹⁸ См.: Усов Д.С. «Мы сведены почти на нет». Т. 1. С. 478.

¹⁹ Там же. С. 480.

²⁰ Бюллетени ГАХН. 1927. № 6–7. С. 40. Тезисы см.: Усов Д. «Мы сведены почти на нет». Т. 2. С. 413–414.

²¹ См.: Богомолов Н.А. Из комментаторских заметок. С. 281–284.

²² Некоторые сведения о ее биографии можно почерпнуть из личного дела. Она родилась в Киевской губернии в 1885 г., после гимназии окончила Бестужевские курсы по естественному и историко-филологическому факультетам, два года училась в Гейдельберге, в том числе у В. Виндельбанда, участвовала в памятной многими важными событиями экскурсии Ф.Ф. Зелинского в Грецию в 1910 году, переводила В. Зомбарта и Г. Елинека, в рукописи остался перевод первой части знаменитого сочинения Э. Роде «Психея». После активной деятельности в ГАХН публиковалась эпизодически. Умерла не ранее 1953 г.

танные воспоминания об А.Л. Блоке доклад «Блок-отец и Блок-сын», о котором в «Бюллетенях сообщалось: «Задача доклада – установить возможность психологического и идеологического отражения Блока-отца в Блоке-сыне, путем биографическим и путем изучения трудов Блока-отца. На основании показаний лиц, знавших Блока-отца по академической Варшаве, выясняется его образ, некоторые черты которого – артистичность и двойственность природы и глубина чувств – отразились в Блоке-сыне. Сравнение трудов А.Л. Блока с творчеством А. Блока говорит об общих чертах иронии, мятежности, фантастичности и пафосе любви к родине. Некоторое соответствие наблюдается даже в стиле отца и сына (образность, сжатость и др.) Все это еще более подтверждает автобиографичность “Возмездия”»²³. Эти сведения, а также протокол выступления исследовательницы позволяют предположить, что материалы доклада были инкорпорированы в статью Измайльской «Проблема “Возмездия”», опубликованную в 1929 году²⁴.

Отметим также сделанный в Комиссии художественного перевода 25 ноября доклад В.Э. Морица «Готье-Гумилев», посвященный переводу сборника «Эмали и Камеи». Как сообщают «Бюллетени», он «был основан на статистическом методе учета точности перевода. Докладчик привел ряд весьма ценных цифровых данных, дающих возможность установить определенный коэффициент точности перевода»²⁵. Не этот ли доклад стал поводом для ареста переводчика в 1930 году за создание «крепкой цитадели идеализма» в ГАХН и последующей ссылки в Котлас?

И в дальнейшем русская подсекция собиралась активно заниматься студиями в области русского символизма. На самом первом организационном заседании 1 октября были намечены такие темы: Михаил Павлович Столяров «Проза Андрея Белого», Д.С. Усов «Лирика “Аполлона”», В.Ф. Саводник «Ранние стихотворные сборники Брюсова», Г.И. Чулков

²³ Бюллетени ГАХН. 1927. № 6–7. С. 41.

²⁴ О Блоке: Сборник Литературно-исследовательской ассоциации Ц.Д.Р.П. М., 1929. С. 63–93. Наша догадка подтверждается и самой исследовательницей: «Прочитанная в 1926/27 году в подсекции новой русской литературы работа о Блоке и его отце выходит на днях в издательстве “Никитинские субботники” в сборнике, посвященном Блоку» (РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 10. Ед. хр. 260. Л. 11об).

²⁵ Бюллетени ГАХН. 1927. № 6–7. С. 43. Ср. также указания в комментарии М.В. Акимовой, И.А. Пильщикова и М.И. Шапира: Ярхо Б.И. Методология точного литературоведения: Избранные труды по теории литературы. М., 2006. С. 632.

«Журналы “Вопросы жизни” и “Новый путь”», Н.К. Гудзий «Рукописное стихотворное наследие Брюсова» и «Гоголь и символизм», Д.Д. Благой «Ив. Коневской», Н.В. Волькенау «Верлэн в русском символизме», С.Н. Дурылин «Символизм и народная поэзия», Н.К. Пиксанов «Андрей Белый». К сожалению, дело вряд ли пошло далее заявки²⁶.

Приходится посожалеть и о том, что не сохранился текст доклада Д.С. Усова «К литературной истории русского символизма II-го периода» (соединенное заседание с Ассоциацией по изучению Блока, 17 февраля), где он разобрал письмо Блока к Е.Я. Архиппову об А.В. Звенигородском от 7 ноября 1906 года. Само это письмо было опубликовано значительно позднее, лишь в 1964 году. «Бюллетени» фиксировали: «Данное письмо, отзываясь зрелой манерой “позднего Блока”, является развитой рецензией на выступление одного из мелких поэтов-декадентов и может быть сопоставлено с другим высказываниями Блока о назначении поэта»²⁷. Почтенный академик М.Н. Розанов 10 марта прочитал доклад «Мотивы мировой скорби в лирике Блока», но, кажется, особого интереса он не вызвал. Текст был напечатан годом позже в сборнике «Никитинских субботников» («О Блоке») ²⁸. Также с сожалением мы должны сказать, что не обладаем никакими сведениями об авторе следующего доклада, А.А. Штейнберг. Судя по общему уровню доклада, который сохранился в переработанном для печати виде, это была одна из аспиранток ГАХН. Само обширное и вялое сообщение называлось «Журнал “Весы” как один из этапов в истории русского символизма» и прозвучал 8 апреля.

6 мая И.Р. Эйгес повторил уже сделанный им в 1922 или 1923 г. доклад «Блок и Полонский». Текст 1923 г. сохранился, но нами еще не обследован, потому свои суждения отложим до будущего времени. 12 мая 1927 г. Н.Г. Булычев сделал доклад «Блок как теоретик русского символизма». Этот автор более известен по псевдониму Н. Отверженный как автор книги «Штирнер и Достоевский» (М., 1925) и соавтор А.А. Борового по книге «Миф о Бакуanine» (М., 1925). Николай Гордеевич Булычев (1895–после 1937) был видным анархистом, в 1929 г. выслан в Алма-Ату, после различных скитаний получил разрешение вернуться в Москву, од-

²⁶ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. Ед. хр. 47. Л. 2.

²⁷ Бюллетени ГАХН. 1928/1928. № 8–9. С. 26. Тезисы и фрагмент обсуждения см.: Усов Дмитрий. Цит. соч. Т. 2. С. 370–371.

²⁸ Для дальнейших разысканий отметим, что в 1926–1928 годы Розанов читал курс «Поэзия “мировой скорби”» (материалы – Архив РАН. Ф. 1834. Оп. 1. Ед. хр. 24).

нако в 1937 в Алма-Ате тройкой был приговорен к 10 годам лагеря, где его следы теряются.

Зато следующий доклад был опубликован и вошел в число классических работ о символизме – Н.К. Гудзий «Тютчев в русском символизме» (20 мая)²⁹.

Второе полугодие 1927 и весь 1928 г. прошли под знаком столетия со дня рождения Л.Н. Толстого, почему заседания, посвященные символистским темам, были преимущественно связаны с другими подсекциями и комиссиями, и ввиду ограниченности времени мы лишь перечислим их. В комиссии (ассоциации) по изучению творчества Блока прозвучали доклады В.В. Гольцева «Блок и Брюсов»³⁰, Е.Ф. Книпович «Блок и Герцен» и В.Д. Измаильской «Врубель в творчестве Блока» (не опубликованы), в подсекции теоретической поэтики – «Стиль Андрея Белого (в связи с гоголевской традицией)» А.В. Алпатова. 18 и 25 октября, 1 ноября к комиссии художественного перевода обсуждался брюсовский перевод «Фауста». Сперва о нем делал доклад И.К. Линдемман, потом С.М. Соловьев, а в третий день было обсуждение³¹.

Собственно в подсекции русской литературы сделали свои доклады (текст первого сохранился) тогдашний аспирант ГАХН, а впоследствии главный советский специалист по литературе начала XX века Б.В. Михайловский («О роли лейтмотивов в истории русского символизма»), а также В.Е. Беклемишева – «Леонид Андреев и символизм». Кажется, решительно никому не понравился доклад П.А. Журова «Основной миф С. Клычкова (К вопросу о судьбах русского символизма)». Даже чрезвычайно корректный Н.К. Гудзий после дежурных похвал говорит: «Мифический элемент в творчестве Клычкова является органическим моментом в его миросознательной системе. Однако, когда речь идет о ранних поэтических опытах Клычкова, можно говорить лишь о некотором вылушивании из литературной стилизации основ мифологического мышления. В переломе к прозе и в успехе Клычкова на этом пути оппонент видит существенное показание. По отношению же к “ранним песням” позволительно спросить, какое право мы имеем утверждать, то во всех его Лелях и Ладах больше органической мифологии, чем у Бальмонта в “Зе-

²⁹ Напечатан под заглавием «Тютчев в поэтической культуре русского символизма» (Известия АН СССР по русскому языку и словесности. 1930. Т. 3, кн. 2).

³⁰ Опубликован: Печать и революция. 1928. № 4. С. 33–46; № 5. С. 67–80.

³¹ Материалы к реконструкции см.: Усов Дмитрий. Цит. соч. Т. 1. С. 489–490.

леном Вертограде” и даже у Любовь Столицы? В таком случае наряду с Клычковым пришлось бы говорить и об имажинизме Есенина, окрашенном мифологией. Может быть, в ранних стихах Клычкова, значение которых докладчик преувеличивает, мы имеем дело с мышлением, воспитавшимся в силу каких-то литературных традиций»³². Этим, как кажется, все положения докладчика рушатся.

Последние доклады, о которых у нас имеются сведения, относятся к 1929 году. В начале года – обстоятельные, но еще очень уязвимые работы аспирантов – Б.В. Михайловского «Из наблюдений над стилем русского символизма (грамматические категории и стиль)» и А.А. Штейнберг «Журнал ”Весы” в оценке журнальной критики». а 22 ноября доклад известного нам лишь книгой «Пушкинские уголки Псковской губернии» (М., 1924), на которую краеведы до сих пор ссылаются как на надежный источник, Ф.А. Васильева-Ушкуйника «Федор Сологуб в работе над “Мелким бесом”»³³.

Наконец, последний связанный с символизмом вечер, о котором что-либо известно, состоялся 22 декабря 1929. Он назывался «Народная поэзия, средневековая поэзия, поэзия ашугов, новая армянская поэзия в переводах Брюсова, Шервинского, Вячеслава Иванова», где чтение переводов сопровождалось докладом И.М. Брюсовой «Валерий Брюсов над поэзией Армении». Опубликовавшая эти сведения Т.Ф. Нешумова цитирует реплику Д.С. Усова: доклад «дает историю работы В.Я. Брюсова в литературно-биографическом окружении. Однако интересно было бы углубить вопрос о соотношении элементов работы: служебного дословного перевода, фонетической транскрипции и метрической разметки. Встает вопрос о принципе художественного перевода с неизвестного переводчику языка, поскольку лингвистические познания в армянском были у одного В.Я. Брюсова и поддерживали его интегрирующую работу – для большинства же остальных переводчиков слагаемые были все же меньше суммы. Принцип этот интересно сопоставить с работой Жуковского, Ходасевича, Людви. Фильда. Необходимо далее учесть суждения армянских филологов о “Поэзии Армении” в ее законченном виде. <...> И.М. Брюсова отмечает, что восстановить работу В.Я. Брюсова в том плане, как это указано Д.С. Усовым, – осуществимая и заманчивая задача»³⁴.

³² РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. Ед. хр. 59. Л. 47–47об.

³³ Фрагмент обсуждения – Усов Дмитрий. Цит. соч. Т. 1. С. 496.

³⁴ Усов Дмитрий. Цит. соч. Т. 1. С. 498.

1930 год уже практически пуст. С начала 1929 года ГАХН начинают всячески преследовать, к середине 1930 года она фактически ликвидирована. Но в период, так сказать, «посмертного существования» в составе ГАИС из работ подсекции был сложен сборник «Русский символизм», в настоящее время хранящийся в НИОР РГБ, публикация материалов из которого уже началась и, мы надеемся, будет продолжена. Помимо этого вполне заслуживают внимания и другие доклады, сохранившиеся в различных архивах.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Богомолов Н.А.* Из комментаторских заметок. 4. К публикациям статей С.Н. Дурлыгина о символизме // *Литературный факт.* 2017. № 4. С. 277–281.
2. *Богомолов Н.А.* Как делаются воспоминания // *Новый мир.* 2017, № 7. С. 168–185.
3. Бюллетени ГАХН. 1925. № 1, № 2–3.
4. Бюллетени ГАХН. 1926. № 4–5.
5. Бюллетени ГАХН. 1927. № 6–7.
6. Бюллетени ГАХН. 1928/1928. № 8–9.
7. *Гольцев В.В.* Блок и Брюсов // *Печать и революция.* 1928. № 4. С. 33–46; № 5. С. 67–80.
8. *Гудзий Н.К.* Из истории раннего русского символизма // *Искусство.* 1927. № 4. С. 180–218.
9. *Гудзий Н.К.* Тютчев в поэтической культуре русского символизма // *Известия АН СССР по русскому языку и словесности.* 1930. Т. 3, кн. 2. С. 465–549.
10. *Измаильская В.Д.* Проблема «Возмездия» // *О Блоке: Сборник Литературно-исследовательской ассоциации Ц.Д.Р.П. М., 1929.* С. 63–93.
11. *Искусство как язык – языки искусства. Государственная академия художественных наук и эстетическая теория 1920-х годов: Том I. Исследования / Под ред. Н.С. Плотникова и Н.П. Подземской при участии Ю.Н. Якименко. М.: Новое литературное обозрение, 2017. – 456 с. Том II. Публикации / Под ред. Н.С. Плотникова и Н.П. Подземской при участии Ю.Н. Якименко. М.: Новое литературное обозрение, 2017. – 928 с.*
12. *Кондратьев А.И.* Литературная секция // *Искусство.* 1923, № 1. С. 421–422.
13. *Морев Г.А.* К истории юбилея М.А. Кузмина 1925 года // *Минувшее: Ист. альманах.* М.; СПб., 1997. [Т.] 21. С. 351–375.
14. *Перцов П.* Русская поэзия 30 лет назад // *Свиток.* М., 1926. Кн. 4. С. 249–280
15. *Перцов П.П.* Литературные воспоминания. М.; Л., 1933. – 322 с.
16. *Петровский Ф. В.Я.* Брюсов – переводчик «Энеиды» // *Мастерство перевода.* М., 1973. С. 253–256.

17. *Петровский Ф.* Русские переводы Энеиды и задачи нового ее перевода // Вопросы античной литературы и классической филологии. М., 1966.
18. Письма <Брюсова> из рабочих тетрадей / Вст. ст., публ. и комм. С.И. Гиндина // Литературное наследство. М., 1991. Т. 98, кн. 1. С. 646–649.
19. Письма В.Я. Брюсова к П.П. Перцову (К истории раннего русского символизма). М.: ГАХН, 1927.
20. *Усов Д.С.* «Мы сведены почти на нет» / Сост., вступ. ст., подгот. текста, коммент. Т.Ф. Нешумовой: В 2 т. Т. 1. М., 2011. – 672 с.
21. *Ярхо Б.И.* Методология точного литературоведения: Избранные труды по теории литературы / Подгот. М.В. Акимова, И.А. Пильщиков и М.И. Шапир. М., 2006. – 926 с.